

А. В. Буйских

О ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (Новая модель?)

Статья посвящена исследованию общих вопросов греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья. Комплексный анализ источников позволил прийти к заключению о наличии закономерностей в пространственном построении Ольвийского полиса и на этом основании высказать предположение об общей модели освоения региона – заключавшейся в формировании во второй половине VII – начале V в. до н.э. парных полисов.

Ключевые слова: Ольвия, Борисфен, Истрия, Оргаме, Никоний, Керкинитида, греческая колонизация, Северо-Западное Причерноморье, полис, эмпорий.

Эта статья посвящена поиску особенностей организации античного полиса в Северо-Западном Причерноморье. Анализ археологических данных, полученных при раскопках памятников Нижнего Побужья, с учетом современных теоретических разработок, позволил высказать предположение, что Ольвийский полис с самого начала состоял из двух урбанистических центров – Борисфена и Ольвии. Борисфен был основан раньше как эмпорий, вначале временный (сезонный), затем постоянный, предназначенный для долговременного проживания. В итоге основание постоянного поселения в Борисфене предложено считать синхронным созданию Ольвии как политического центра одноименного полиса¹. Появившийся критический отклик² свидетельствует о неослабевающем интересе к проблеме в целом и потому необходимости периодического к ней возвращения. Задача данной статьи – не отвечать на критику критикой или уличать предшественников и оппонентов в каких-либо, с моей точки зрения, недочетах. Каждому времени свойственны свои методики исследования, а каждому автору – своя доказательная база. В этой связи более продуктивной представляется мысль, что существующие в историографии точки зрения, высказанные в разное время и с привлечением различных аргументов, заслуживают внимания, являясь составляющими единой картины. И, как часто бывает, новое оказывается хорошо забытым старым.

В настоящей работе, цель которой реконструкция динамики освоения греками Нижнего Побужья и поиск общих закономерностей становления колоний в Северо-Западном Причерноморье, в основу положена единая методика. Она, с учетом известных нарративных источников, опирается на надежную базу в виде бесконечного множества археологических артефактов. Уровень современных хронологиче-

Буйских Алла Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии НАН Украины.

¹ Первую часть см. Буйских 2005, 146–165; вторая, с новым обоснованием хронологии построения Ольвийского полиса: Буйских С., Буйских А. 2010, 28–29.

² Зубарь 2005–2009, 94–113.

ских разработок отдельных категорий находок таков, что позволяет, пересматривая прежние выводы, по-новому представить время возникновения и организацию поселенческих структур в регионе на раннем этапе их существования.

Прежде всего необходимо еще раз обозначить свое отношение к освоению ионийцами Нижнего Побужья, поскольку с этим тезисом связано все дальнейшее изложение: от эмпория Борисфен – к полису с центром в Ольвии. Риск быть обвиненной в приверженности «торговой колонизации», с которой боролась отечественная антиковедческая наука, высок. Историография прошла долгий путь от доколониционных связей – обмена с «туземцами» редкими предметами роскоши в результате рекогносцировочных наездов полукупцов-полукупиратов по Т.Н. Книпович³ до идеи двусторонних контактов по А.А. Иессену⁴. Одним из результатов изучения таких контактов явилась «эмпориальная теория», в которой эмпории, организованные на варварских памятниках, повсеместно предшествовали полисам, а те, в свою очередь, стали центрами социальной эксплуатации туземного населения⁵. Впоследствии роль эмпориев и доколониционных связей пересмотрел Я.В. Доманский, полагавший, что города основывались прежде всего как производственные центры, а торговля носила второстепенный характер⁶. Отчасти это мнение, а также результаты раскопок на Березани привели затем В.В. Лапина к утверждению о первостепенной роли сельского хозяйства в движении ионийцев к северному побережью Понта. Эта гипотеза отрицала эмпории уже не только в Северо-Западном Причерноморье, но и на Боспоре⁷. Такие крайности, вероятно, способствовали появлению еще одной, наиболее взвешенной, точки зрения, согласно которой каждая колония могла сочетать разные функции при одной ведущей⁸. Впоследствии именно эта трактовка колониционной практики в Северном Причерноморье стала доминирующей⁹.

Тем не менее исследования общих вопросов греческой колонизации показывают, что от эмпориев как одного из результатов освоения и изучения греками заморских (варварских) стран во второй половине VIII – первой половине VII в. до н.э. отказаться нельзя. Одно из отличий греческой колонизации Северного Причерноморья от средиземноморской состоит в том, что здесь этот этап начался позднее и охватил вторую половину VII в. до н.э., продлившись до начала V в. до н.э. Дискуссия о том, что послужило материальным воплощением этого процесса: подарки «предметов роскоши» варварской знати, их обмен на сырье – металл, рыбу, скот или рабов, бесконечна и выходит за рамки этой статьи. Но если эти вначале временные, а затем постоянные «торговые станции» как инструмент освоения нового

³ Книпович 1934, 105 сл.

⁴ Эта точка зрения, как и тема доколониционных контактов, является модифицированной идеей торговой колонизации, но с учетом взаимной заинтересованности местных племен, находившихся на «высшей ступени варварства»: Иессен 1947, 53–54, 89. О дискуссии приверженцев и противников этой концепции см. Доманский 1965, 117–121.

⁵ Блаватский 1954, 15–18; 1964, 15–23.

⁶ Доманский 1965, 137–139; 1970, 53.

⁷ Лапин 1966, 86 сл.

⁸ Это привело, однако, к заключению, что «при современном состоянии источников часто невозможно определить, какова была эта ведущая функция»: Брашинский, Щеглов 1979, 44.

⁹ Следует также учитывать наличие точки зрения С.Л. Соловьева, согласно которой Борисфен от конца VII в. до н.э. являлся эмпорием, заселенным варварами (Solovyov 1999, 30). Критическое отношение к этому тезису см. Буйских 2005, 161–162.

социума известны во второй половине VIII–VII в. до н.э. в Средиземноморье¹⁰, то в Северном Причерноморье их смогла отменить только советская историческая наука. Классовый подход, однако, не мог заменить объективный сравнительный анализ имеющихся и постоянно меняющихся источников. Но, *tempora mutantur...*

Как следует из хроники Евсевия, в течение близкого времени, одного десятилетия, в Северо-Западную часть черноморского региона были выведены две апойкии – Истрия и Борисфен (Euseb. Chron. can. / Helm. B., 1984. P. 95b)¹¹. Они расположены в устьях великих рек, что определило их взаимоотношения с варварским хинтерландом¹². Для Борисфена это 647/646 г. до н.э. Несмотря на периодически возникающие попытки критически отнестись к этой дате¹³, факт динамичного освоения ионийцами указанного региона, как и всего черноморского бассейна после середины VII в., не подлежит сомнению¹⁴. Основанная на выдающемся в море полуострове апойкия отвечала необходимым требованиям безопасности и жизнеобеспечения, открывая к тому же, вход в устье Борисфена. Торговой функции этого поселения не противоречит и гипотеза об общей заинтересованности греков в производстве металлических изделий в заморских колониях, в том числе и для обмена с варварским населением хинтерланда¹⁵. Борисфен в этом плане не был исключением, наличие на раннем этапе его существования металлообрабатывающих мастерских подтверждено результатами археологических исследований последних десятилетий¹⁶. Следует уверенно говорить уже и о наличии в Борисфене собственного керамического производства¹⁷.

Для Ольвии хронологические реперы оказались значительно более широкими (Pseudo-Scymn. 809 Müller, 814 Diller)¹⁸. Вследствие этого время основания Ольвии в течение почти столетия является темой не утихающих дискуссий. В отече-

¹⁰ Среди средиземноморских памятников эмпориев в настоящее время меньше, чем считалось в начале XX в.: Minns 1913, 436 ff. Поэтому решение вопроса о роли торговли целиком зависит от представлений каждого автора о колонизации. Эту роль не следует переоценивать, но ее нельзя и уменьшать – каждый заморский полис в разные периоды своего существования обладал функциями эмпория: Graham 1964, 5–6; Dunbabin 1968, 3–4; Boardman 1999, 16–19; Hansen 1997, 83 ff.; Wilson 1997, 199 ff.

¹¹ О синхронизации дат основания западнопричерноморских памятников по Евсевию и Псевдо-Скимну подробно см. Иванчик 2005, 154 сл.

¹² Необходимо вспомнить мнение первого исследователя Березани: Штерн 1912, 87. Со-звучные идеи развили Э. Миннз (1913, 440) и его последователи, в частности, Bilabel 1920, 65. Представляется, что важен уже не столько количественный подсчет сосудов второй половины VII в. до н.э., найденных в варварском хинтерланде (как традиционно считалось, в очень небольшом количестве), но сам факт их наличия, а главное, неуклонного увеличения этого количества: Вахтина 1998, 127 сл., рис. 2–3; Шрамко, Задников 2010, 297, рис. 3–4.

¹³ Речь идет о количественном дисбалансе в керамических находках третьей и последней четвертей VII в. до н.э. Попытки объяснить отсутствие наиболее ранних строительных остатков третьей четверти столетия, синхронных времени основания Борисфена, см. Виноградов, Доманский, Марченко 1990, 81–83; ср. также Solovyov 1999, 3, 29. Современные датировки наиболее ранних находок из Борисфена – начало 30-х годов VII в. до н.э.: Kerschner 2006, 230–233.

¹⁴ Graham 1957, 39; Ehrhardt 1983, 49 ff.

¹⁵ Treister 1996, 178–179; Трейстер 1998, 130 сл.

¹⁶ Domanskij, Marčenko 2003, 29 ff.; Доманский, Марченко 2007, 22 сл.

¹⁷ Крутилов 2010, 125 сл.; Крутилов, Смирнов, Бондаренко 2012, 233 сл.

¹⁸ Подробный исторический анализ: Виноградов 1989, 35; Виноградов, Доманский, Марченко 1990, 77–78; Иванчик 2005, 154–155.

ственной науке, вероятно, не существует исследователя, хотя бы раз не задавшего себе этого вопроса¹⁹. Еще Б.В. Фармаковский по находке фрагмента расписного сосуда отнес основание памятника к концу VII в. до н.э.²⁰ Позднее эта дата подвергалась только критике, а ольвийская коллекция считалась действительно массовой лишь от конца первой четверти VI в. до н.э.²¹ Относительно недавно снова понизить дату основания Ольвии предложил Дж. Бордман, остановившись на времени не позднее 620 г. до н.э., опять-таки, исходя из датировки раннего фрагмента по Б.В. Фармаковскому и Л.В. Копейкиной²². Кроме того, традиционно ранняя Ольвия представлялась небольшим поселением, занимавшим южную часть освоенного уже после середины VI в. до н.э. городища, это мнение Б.В. Фармаковского²³, напротив, получило всеобщую поддержку и развитие²⁴.

Среди мнений о хронологии ранней Ольвии на даты, предложенные Л.В. Копейкиной и Ю.Г. Виноградовым, следует обратить особое внимание. На основании датировок керамики Л.В. Копейкина предложила считать временем основания Ольвии рубеж VII–VI вв. до н.э.²⁵ Ю.Г. Виноградов также оставался приверженцем даты ок. 600 г. до н.э.²⁶ – даты, которая в дальнейшем не получила ни поддержки, ни аргументированной критики. Возможно, поэтому вскоре, в результате проверки соответствия данных археологии свидетельствам письменных источников, эта дата была скорректирована до 590–580 гг. до н.э.²⁷

Следующий важный шаг для решения указанной проблемы – обобщение материалов раскопок Западного теменоса и обоснование отправления на его территории культовой практики от рубежа первой–второй четверти VI в. до н.э. Эти данные позволили поддержать мнение об основании Ольвии в 590/570–560/550 гг. до н.э.²⁸ Следует отметить еще один момент в этой длительной дискуссии. Сходство полуземляночной застройки Борисфена, Ольвии и поселений хоры привело к мысли о том, что на месте Ольвии располагалось несколько поселений, не отличавшихся от обычных сельских, лишь позднее объединившихся в одно целое²⁹. Ю.Г. Виноградов аргументированно критиковал эту гипотезу³⁰, хотя вопрос, что же представляла собой Ольвия в первой половине VI в. до н.э., оставался открытым и для него.

И, наконец, археологические исследования в юго-восточной части Ольвии, давшие около трех десятков ранних строительных комплексов, начиная от второй четверти VI в. до н.э., заставили и меня заинтересоваться временем основания Ольвии и особенностями ее пространственного развития³¹. Поэтому для ревизии,

¹⁹ А.С. Русяевой, пожалуй, это удалось выразить наилучшим образом: Русяева 1995, 73–74; 1998, 160 сл.

²⁰ Фармаковский 1906, 216.

²¹ Копейкина 1976, 138.

²² Boardman 1998, 201 ff.; 1999, 282.

²³ Фармаковский 1925, 171–192.

²⁴ См., например: Леви 1941, 316; Копейкина 1976, 140; Ильина 2004, 80–81.

²⁵ Копейкина 1976, 139.

²⁶ Виноградов 1971, 232 сл.; 1989, 67.

²⁷ Виноградов, Доманский, Марченко 1990, 84.

²⁸ Русяева 1986, рис. 3; 1998, 167–169; 2006, 162 сл.

²⁹ Лапин 1966, 176; Wąsowicz 1975, 41.

³⁰ Виноградов 1989, 46.

³¹ Раскопки Ольвийской экспедиции ИА НАН Украины под руководством В.В. Крапивной и автора, см. подробнее: Буйских 2012.

казалось бы, надежно установленной даты, было решено изучить ее раннюю керамическую коллекцию. Исследование более 6 тыс. фрагментов и целых сосудов дало неожиданные результаты³². Оказалось, что наиболее ранняя керамика в Ольвии представлена не североионийским импортом, как считалось ранее³³ (в этом заключался определенный казус: апойкия основана Милетом, а ранний керамический комплекс – североионийский), но южноионийским. Поэтому и фрагмент милетского сосуда последней трети VII в. до н.э., найденный Б.В. Фармаковским, перестал быть единственным³⁴. Южноионийский импорт хронологически поддержан эолийским³⁵ и хиосским импортом. Поэтому анализ археологической коллекции не только подтвердил датировку Ю.Г. Виноградова и Л.В. Копейкиной, предложенную еще на очень ограниченном материале, но и позволил мне понизить основание Ольвии до 620/610–590 гг. до н.э.

Кроме того, на Западном теменосе Ольвии была найдена только часть ранней керамики, остальная же происходит практически со всей территории городища, включая засыпь раннего некрополя. Это позволяет говорить об изначальном заселении практически всей территории города в пределах верхнего плато, за исключением северной части, и южной части нижней террасы. Представляется поэтому, что можно поставить точку и в рассуждениях о нескольких ранних поселениях на месте Ольвии, а также последовательных этапах в ее заселении с юга на север. Ольвия была сразу заложена как центр полиса³⁶ – политический, религиозный, культурный, основанный на плато коренного берега, общей площадью с нижней террасой до 50 га.

Предложенная новая дата основания Ольвии очень ответственна, поскольку влечет за собой необходимость пересмотра ряда устоявшихся в историографии положений. Кроме того, потребовался поиск дополнительных аргументов, которые могли бы поддержать эту дату. Прежде всего очевидно, что сократился разрыв с началом функционирования эмпория Борисфен до одного поколения. Поэтому новый хронологический репер, установленный для Ольвии, связан и с вопросом синхронности или асинхронности ее развития с Борисфеном. Вопрос этот важен, поскольку факт отставания ранней Ольвии (в политическом, экономическом, культурном отношениях) является еще одной историографической традицией.

Прежде всего, сравнение планов Борисфена (рис. 1) и Верхнего города Ольвии (рис. 2) свидетельствует о близости их топографии – территория, выбранная для долговременного обитания, в обоих случаях имеет вид вытянутого неправильного треугольника с природными границами, обращенного вершиной на юг. Можно предположить, что такие условия продиктовали одинаковую локализацию на них теменосов и, в целом, общественных центров в северной части, а некрополей по северной окраине – северо-восточной в Ольвии, северо-западной в Борисфене. Однако сходство топографии обоих поселений не может служить единственным объяснением этому факту. Скорее всего, следует говорить о вполне определенной закономерности и синхронности пространственного освоения обоих центров. Это

³² Каталог восточногреческой керамики из Ольвии в настоящее время готовится к печати.

³³ См. сводку: Кузнецов 1991, 33.

³⁴ Новая датировка: Kerschner 2006, 234–235.

³⁵ Группа Лондонского диноса: Русяева 2006, рис. 167, 7; Ильина 2004, 75 сл.

³⁶ Виноградов 1989, 47; Русяева 1986, 42; Буйских 2005, 155. Об использовании Геродотом (*Herod.* IV. 17. 1) терминов «полис» и «эмпорий» применительно к Ольвии, см. Wilson 1997, 204.

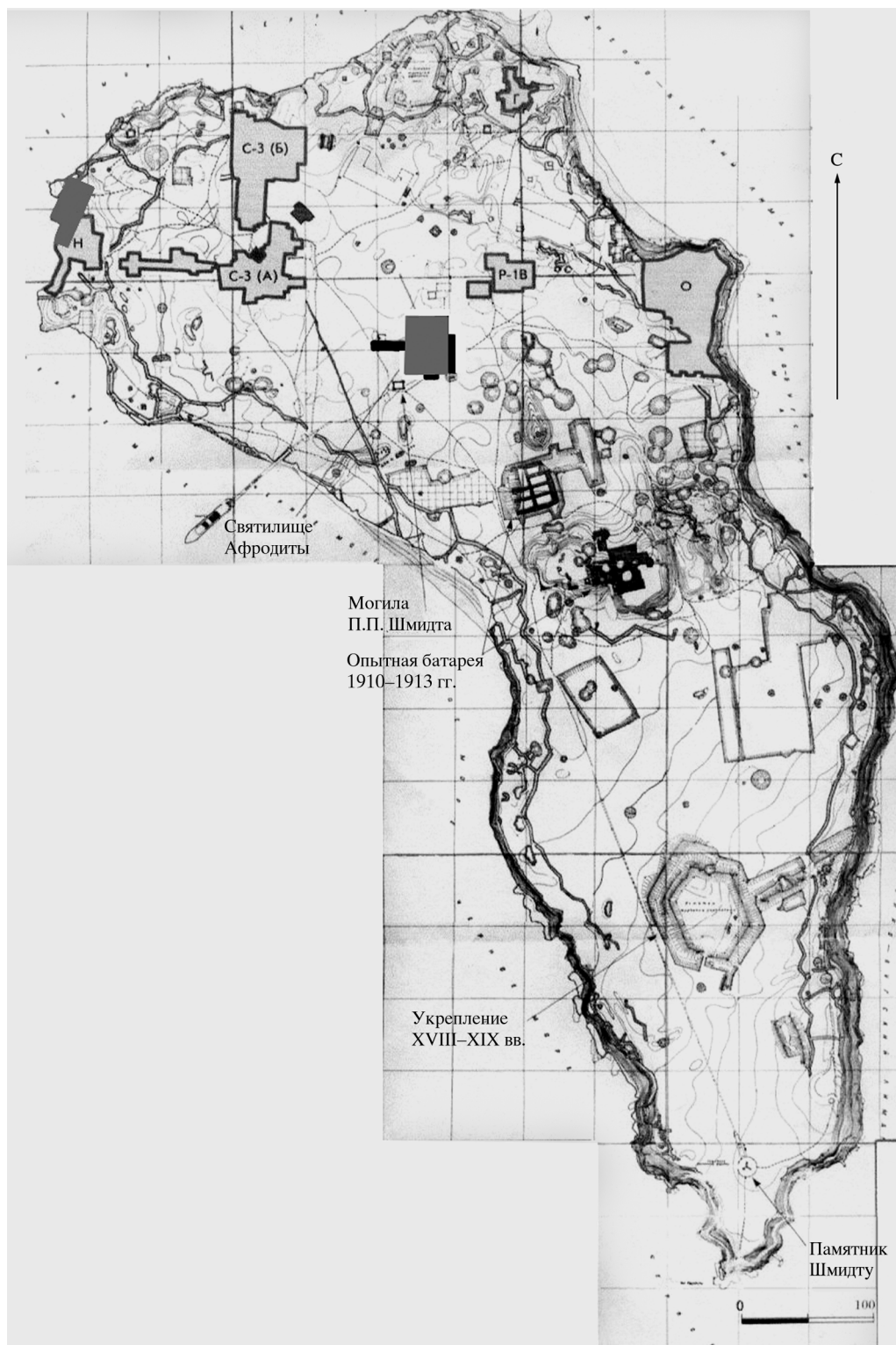

Рис. 1. План Борисфена (по В.В. Назаров, 2006)

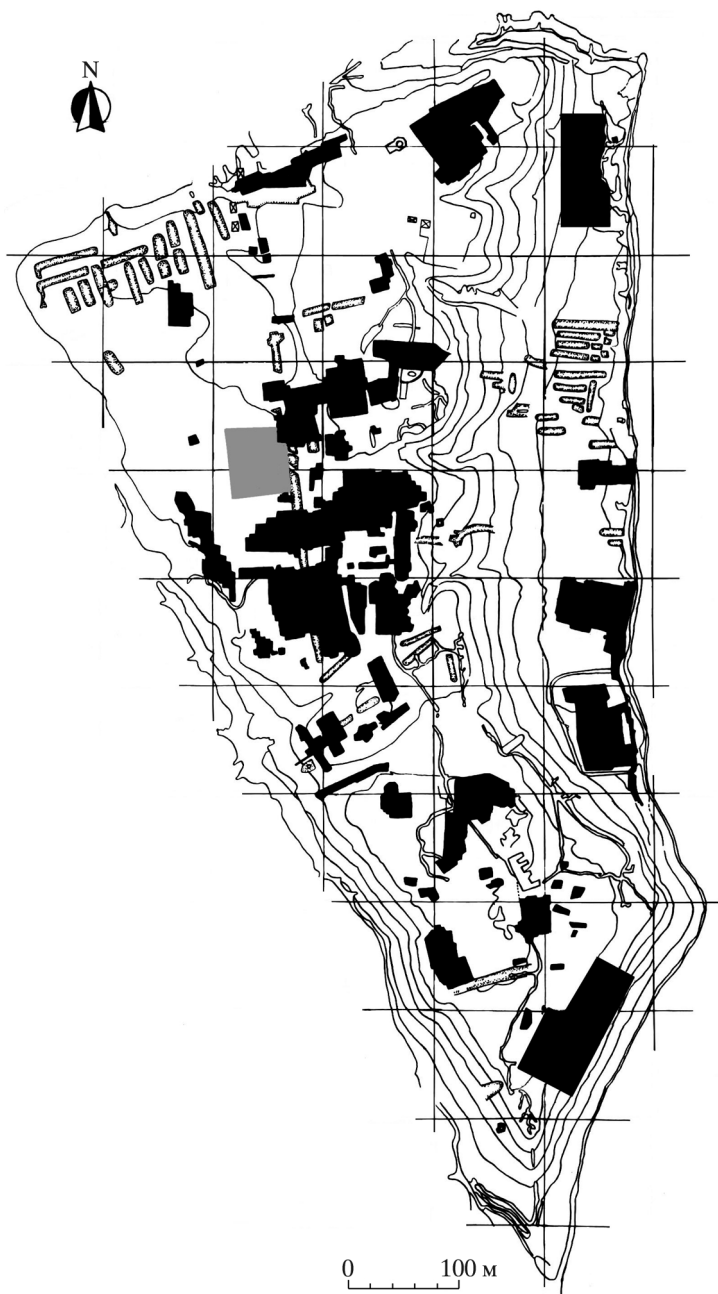

Рис. 2. План Ольвии (по С.Д. Крыжицкий и др., 1999)

предположение еще раз подтверждает высказанный ранее тезис о том, что Борисфен и Ольвия представляли собой единый организм, причем связанный уже не только политическим и культурно-религиозным единством³⁷. Идентичные представления об освоении урбанистического пространства и их практическая реали-

³⁷ Виноградов 1976, 75 сл.; Русяева 1994, 99 сл.

зация, несомненно, явились необходимыми составляющими процесса формирования полноценного колониального полиса в условиях Нижнего Побужья.

Предлагаемую модель можно реконструировать следующим образом. Основанный в середине 40-х годов VII в. до н.э. Борисфен в течение порядка четверти столетия оставался местом сезонных посещений, служа не только для обменных операций с варварами, но и для накопления информации о новом регионе. Основание постоянного поселения в Борисфене³⁸ синхронно основанию Ольвии, и точкой отсчета действительно следует считать время близкое рубежу VII–VI вв. до н.э. или 620/610–590 гг. до н.э. При этом не подлежит сомнению, что место для центра полиса, Ольвии, было выбрано именно в результате хорошего знакомства с местностью в адаптационный период, т.е. во время сезонной навигации. Не исключено, что топографические преимущества Борисфена оказались определяющими и в выборе места для Ольвии. И в этом плане проведенная Н. Эрхардтом параллель с «Festlandssprung» от Питекусс к Кумам, действительно, своей актуальности не теряет³⁹. Поэтому в случае с Борисфеном/Ольвией речь может идти о повторении модели освоения пространства, отработанной во время колонизации Великой Греции. Даже краткий историографический обзор, приведенный выше, показывает, что близкие мысли в той или иной степени моими предшественниками уже высказывались.

Если такая реконструкция верна, то предположение Ю.В. Болтрика о существовании сухопутного маршрута из Лесостепи, проложенного по водоразделу рек Ингула и Ингульца, к переправе через Гипанис севернее Ольвии и далее к Борисфену⁴⁰ не противоречит современным представлениям о Борисфене как о полифункциональном эмпории. Кроме того, наличие работающего сухопутного маршрута косвенно подтверждает необходимость предварительного сбора обеими сторонами информации о природных условиях данного региона во второй половине VII в. до н.э. Рассуждать при этом, какой фактор был первичным: появление здесь милетян и последовавшая прокладка пути в Скифию или, наоборот, существование здесь тракта от эпохи поздней бронзы для транспортировки соли и рыбы (как предположил Ю.В. Болтрик), к которому и оказался впоследствии «привязан» милетский эмпорий⁴¹ – пока можно с равной долей успеха.

В отличие от Борисфена Ольвия была основана как политический центр. Об этом свидетельствует совокупность ряда признаков, среди которых зонирование ее территории, т.е. фактор первоочередной организации общественного пространства города как места собрания гражданского коллектива, играл далеко не последнюю роль. Именно поэтому значительная площадь верхнего плато была изначально выведена из зон жилой застройки и предназначалась для устройства общественного центра – двух теменосов и агоры. Такая организация пространства города происходила, как понятно, в соответствии с общепринятой колонизационной практикой⁴². Первоочередное устройство культового участка, где обнаруже-

³⁸ Мнение о наличии в Борисфене строительных остатков конца VII в. до н.э. основано на устаревших датировках: Копейкина 1979, 109–110. В настоящее время следует говорить о рубеже VII–VI в. до н.э., исходя из современных дат южноионийской керамики.

³⁹ Ehrhardt 1983, 77; Виноградов 1989, 42.

⁴⁰ Болтрик 2000, 121 сл.

⁴¹ Торговля и обмен – процесс взаимосвязанный, этот тезис не стареет (разумеется, если снять присутствовавший у А.А. Иессена социально-идеологический подтекст), см. также Блаватский, Кошеленко, Кругликова 1979, 15–16.

⁴² Подробнее см. Буйских 2005, 162–164.

ны посвящения Аполлону Врачу на сосудах, как полагала А.С. Русяева, второй четверти VI в. до н.э., и определило этот культ как государственный⁴³. Теменос в Борисфене относится ко второму строительному периоду, к 540/530-м г. до н.э. Это время перехода к наземному сырцово-каменному строительству и появления культовых объектов – храма и алтарей⁴⁴. Примечательно, что место для теменоса выбирается так же, как и ранее в Ольвии. Следовательно, схема функционального зонирования территории, апробированная сначала в Ольвии, позднее была идентично реализована в Борисфене. Интересно то, что именно в это время появились первые культовые сооружения и в самой Ольвии, также представленные храмами и алтарями. Это значит, что культовое строительство началось синхронно в обоих центрах⁴⁵.

Началу культового строительства соответствует и появление жилых домов. Считается, что дома, сблокированные в кварталы, строились в Борисфене ранее, чем в Ольвии, где полный переход от полуземлянок к наземному строительству завершился лишь в первой четверти V в. до н.э.⁴⁶ Однако и в Ольвии первые наземные дома уже относятся к последней четверти VI в. до н.э.⁴⁷ Ранние же полуземляночные сооружения в Ольвии, как и в Борисфене, существовали до конца первой четверти V в. до н.э. Эти данные дают возможность утверждать, что процесс урбанизации Борисфена и Ольвии не только начался, но и проходил синхронно. Представляется поэтому, что причина его неоднозначной до сих пор оценки кроется в принципиально разной сохранности строительных остатков означенного времени на обоих памятниках. Кроме того, общеизвестно, что в Ольвии не зафиксирована та городская планировка, которая была реализована в Борисфене⁴⁸. Однако немногочисленные помещения позднеархаического – раннеклассического времени, раскопанные в разных частях Ольвии, пока не дают возможности рассуждать о наличии или отсутствии какой-либо вообще планировочной структуры.

Не менее интересен и вопрос о хронологии погребений городских некрополей. Наиболее ранние погребения некрополя Борисфена относятся к первой половине VI в. до н.э., а основная масса погребений датируется второй половиной этого столетия⁴⁹. Для ольвийского некрополя начало захоронений на территории северо-восточной окраины городища также отодвинуто до второй четверти столетия⁵⁰. И, несмотря на то что погребений с вещами первой половины VI в. до н.э. из некрополя Ольвии значительно меньше, чем из некрополя Борисфена, сам факт их

⁴³ Русяева 1991, 124 сл. В настоящее время в ранней коллекции Западного теменоса выделяются фрагменты рубежа VII–VI вв. до н.э. с посвящениями Аполлону Врачу.

⁴⁴ Назаров 2001, 154 сл.; 2006, 139 сл. Уточненная датировка второго строительного периода: Чистов 2008, 37.

⁴⁵ Bujskich 2010, 98–99. В Ольвии, в отличие от Борисфена, найдено несколько десятков каменных архитектурных деталей рубежа третьей – четвертой четвертей VI в. до н.э., использовавшихся для декора культовых объектов.

⁴⁶ Крыжицкий 1982, 14.

⁴⁷ Л.В. Копейкина относил начало строительства домов в Ольвии к середине VI в. до н.э. (1975, 195), что вызвало обоснованную критику: Крыжицкий 1982, 18. Остатки еще одного дома второй половины VI в. до н.э. выявлены в террасной части: Крыжицкий, Назарчук 1994, 99–106.

⁴⁸ Копейкина 1975, 188 сл.; 1981, 207–208; Solovyov 1999, fig. 57–58; Крутилов, Чистов 2012, 238 сл.

⁴⁹ См., например: Доманский, Виноградов, Соловьев 1989, 58.

⁵⁰ Русяева 1998, 166.

наличия позволяет говорить о синхронном появлении наиболее ранних погребений в некрополях обоих памятников. Это служит дополнительным аргументом для гипотезы о синхронном возникновении и дальнейшем функционировании обоих постоянных поселений – Борисфена и Ольвии⁵¹.

И наконец, вопрос об организации хоры. Предпринятая недавно ревизия ранних материалов поселений южной части сельской округи, которые длительное время традиционно считались принадлежавшими хоре Борисфена (исходя из мнения об их более раннем, чем Ольвия, возникновении), показала, что и этот тезис уже устарел. Ни одно из поселений не возникло ранее Ольвии, их появление синхронно ее основанию. Именно поэтому они составляли хору Ольвийского полиса, а не хору Борисфена, не имевшего своей внутренней территории и не развивавшего собственное сельское хозяйство⁵².

Итак, наблюдения над динамикой строительной деятельности в Борисфене и в Ольвии позволили предположить существование конкретной модели построения колониального полиса, в соответствии с которой обе колонии и развивались. Одним из условий ее успешной реализации являлась предварительная адаптация в новом жизненном пространстве. Процесс организации Ольвийского полиса происходил по известной к этому времени схеме и состоял из нескольких последовательных и взаимосвязанных акций. Вначале – появление временного эмпория на полуострове, знакомство с окружающей территорией и лишь после этого – организация полноценного полиса. Последняя включала основание постоянного эмпория на месте временного, центра полиса на материке и организацию внутренней территории, хоры⁵³. Временной промежуток между выведением временного эмпория и основанием постоянных поселений (организации полиса) был равен жизни примерно одного поколения. Обустройство внутригородского урбанистического пространства в эмпории, Борисфене, и центре полиса, Ольвии, происходило синхронно, как и появление их городских некрополей. Предложенная гипотетическая реконструкция при всем ее возможном схематизме и безусловных дальнейших коррективах позволяет, однако, уже сейчас сnivelировать часть спорных моментов в ранней истории Борисфена и Ольвии. Она дает возможность говорить о существовании в Нижнем Побужье Ольвийского полиса, состоявшего из двух урбанистических центров, по крайней мере с конца VII – начала VI в. до н.э. Это – Ольвия, политический центр полиса и его приморский эмпорий – Борисфен.

Этот вывод позволил предположить наличие аналогичных закономерностей и в развитии других полисов причерноморского региона, возникших в результате колонизации, что и повлекло за собой их поиск. Оказалось, что ближайшие к Ольвии синхронные памятники Северо-Западного Причерноморья также представлены парой полисов – городских урбанистических структур. Это милетские колонии Истрия и Оргаме в устье Дуная. О времени основания Истрии сообщает Евсевий – 557/656 г. до н.э. (Euseb. Chron. can. / Helm. 95b)⁵⁴. И, как и в случае с Борисфеном, наиболее ранние керамические материалы из раскопок Истрии в настоящее время датируются позднее относительно информации нарративного источника, от

⁵¹ Для этой дискуссии важно мнение о появлении небольшого количества могил практически от начала существования колонии, в то время как первая серия погребений действительно фиксируется примерно через четверть столетия или к концу жизни поколения переселенцев: Dunbabin 1968, 453–454.

⁵² Подробно, с развернутой аргументацией см. Буйских С., Буйских А. 2010.

⁵³ Буйских С., Буйских А. 2010; Буйских 2005, 146 сл.

⁵⁴ Alexandrescu 1990, 50–52; Иванчик 2005, 155–160.

последней трети VII в. до н.э.⁵⁵ Современная датировка наиболее древних находок из Оргаме – 40–20-е годы VII в. до н.э., т.е. несколько более раннее время, чем известные материалы из Истрии⁵⁶. Существует также точка зрения об Оргаме как об автономном полисе, несмотря на отсутствие археологически выявленных его урбанистических составляющих в виде теменоса и агоры, а также синхронных или более поздних памятников хоры⁵⁷. Поэтому вывод о политической автономии Оргаме представляется все еще дискуссионным, однако то, что этот памятник был городским центром, полисом в смысле его пространственной урбанистической организации, сомнений быть не может. При этом городская урбанистическая структура, хотя и является важным показателем существования городской общины, сама по себе, как известно, еще не означает ее политическую автономию⁵⁸.

Полисная же структура Истрии, помимо массы разнообразных археологических данных, подтверждена наличием памятников сельскохозяйственной зоны⁵⁹, что в условиях колонии, как и для Ольвии, имеет определяющее значение. Поэтому, видимо, не случайно и П. Александреску, исследуя вопросы организации полиса в Истрии, сопоставил Истрию именно с Ольвией, а Оргаме с Березанью⁶⁰. Можно предположить, что и для Нижнего Подунавья речь идет о едином Истрийском полисе, состоявшем из двух урбанистических центров – Истрии, центра полиса, и эмпория Оргаме. И если верна гипотеза М.Ю. Вахтиной о том, что милетский импорт попадал на Немировское поселение (Правобережная Лесостепь) из Нижнего Подунавья, причем имея хронологические параллели именно среди находок в Оргаме⁶¹, то такое предположение приобретает дополнительную аргументацию.

Ситуация с основанием в Северо-Западном Причерноморье парных городских структур снова повторилась через столетие. В течение полувека – последней трети/четверти VI – первой четверти V в. до н.э. здесь появились еще две пары полисов. Это Никоний – Офиусса/Тира в устье Тираса и Керкinitида – предхерсонесское поселение в Западной Таврике. Однако в отличие от двух первых, причины их основания и соответственно политический статус представляются несколько иными.

В историографии известно общее мнение об отношении Тире (или Офиуссы, предшествовавшей Тире) к милетской колонизации региона и потому – невозможности ее основания после 494 г. до н.э.⁶² После критической ревизии ранних материалов из раскопок Тире в сопоставлении со сведениями нарративных источников, недавно было обосновано, что Офиусса/Тира появилась после похода Дария в Скифию в последнем десятилетии VI в. до н.э.⁶³ Однако могла ли Тира быть действительно основана до 494 г. до н.э., если исходить из мнения о Милете как ее метрополии. В Тире пока не обнаружены керамические материалы ранее 494 г. до н.э., представленные тем южно- и североионийским импортом, который известен по массовым находкам

⁵⁵ Опубликованные ранние материалы см. *Histria* IV, pl. 3–4; Kerschner 2006, 242–243.

⁵⁶ Alexandrescu 1999, 18–19; Mănuclu-Adameşteanu 2000, 196, fig. 1, 1; Kerschner 2006, 233–235.

⁵⁷ Mănuclu-Adameşteanu 1992, 55 ff.

⁵⁸ Hansen 1997a, 9 ff.

⁵⁹ Avram 1990, 19 ff., Abb. 1–2; Alexandrescu 1999, 76. В гипотетически очерченной внутренней территории Оргаме археологически исследованные памятники хоры пока неизвестны: Mănuclu-Adameşteanu 1992, fig. 6.

⁶⁰ Alexandrescu 1999, 21–22.

⁶¹ Вахтина 2004, 205–206; Vachtina 2007, 34.

⁶² Карышковский, Клейман 1985, 40; см. также Ehrhardt 1983, 72–73.

⁶³ Самойлова 2004, 109; 2012, 380 сл.

на других памятниках второй половины VI в. до н.э. в северопричерноморском регионе⁶⁴. Среди материалов Никония наиболее ранние керамические фрагменты датируются последней четвертью (третью?) VI в. до н.э.⁶⁵ И несмотря на их в целом еще небольшое количество, пока следует констатировать, что Никоний действительно возникает ранее Офиуссы/Тиры, и как минимум, на треть или четверть века.

Эта хронологическая ситуация оказалась в точности сдублированной и в Западной Таврике. Здесь не позднее последней трети VI в. до н.э., насколько можно судить по археологическим данным, была основана Керкинитида⁶⁶, что согласуется со сведениями Гекатея Милетского (Steph. Byz. Fr. 153). Позднее, в первой четверти V в. до н.э. основано раннее поселение на месте будущего гераклейского Херсонеса или предхерсонесское поселение⁶⁷. Ни один из аргументов, высказанных против этого предложения⁶⁸, не смог, однако, изменить реальную археологическую ситуацию – среди находок на городище отсутствуют те керамические фрагменты, которые определяют факт существования каждого (!) северопричерноморского памятника во второй половине VI в. до н.э. и вплоть до 494 г. до н.э.⁶⁹ Это – южноионийская стилия Фикеллура (Милет) и североионийская (Клазомены) керамика, а также амфорная тара из этих центров⁷⁰. В Керкинитиде по крайней мере клазоменская керамика присутствует. Очевидно, что, как и в случае с Никонием – Офиуссой/Тирой, наблюдается хронологическая лакуна не менее, чем в треть или четверть столетия между основанием Керкинитиды и раннего поселения на месте будущего Херсонеса.

Представляется, что существование в Северо-Западном Причерноморье «парных» городов с временной разницей в их основании, не превышавшей жизнь одного поколения, позволяет говорить о не случайности такого явления. Более того, кажется, что речь может идти об определенных закономерностях освоения этого региона, выразившихся в конкретной модели адаптации к жизни на новой территории и формировании нового социума, соблюдавшихся более ста пятидесяти лет. Отправной точкой послужило основание первых двух пар городов во второй половине VII в. до н.э. – Истрийского полиса с эмпорием Оргаме, и Ольвийского полиса с эмпорием Борисфен.

Для двух других пар городов, возникших в конце VI – начале V в. до н.э., отношение к милетской или шире к ионийской колонизации подразумевается только исходя из общего облика материальной культуры, тогда как источники (возможно, не случайно) хранят молчание об их метрополиях⁷¹. Совокупность имеющихся на

⁶⁴ Допускается также, что ранняя часть Офиуссы/Тиры скрыта под многометровыми напластованиями средневековой крепости.

⁶⁵ Секерская 1976, 90 сл., рис. 2; 1989, рис. 18.

⁶⁶ Автор раскопок предлагает третью четверть, ближе к середине VI в. до н.э. (Кутайсов 2004, 101). Однако предложенная дата обоснована ошибочной датировкой крышки аттической чернофигурной леканы: Вдовиченко 2008, 346, № 99.

⁶⁷ Буйских 2006, 263 сл.; 2008, 27 сл.

⁶⁸ Суриков 2009, 185 сл.; Зубарь 2010, 63–89.

⁶⁹ В отличие от Офиуссы/Тиры раскопанная площадь позволяет говорить о специфике археологической ситуации в Херсонесе уже не в вопросительной, а в утвердительной форме.

⁷⁰ С.Ю. Сапрыкин упоминает о фрагментах родосско-ионийской керамики, возможно, из Милета (Saprykin 1998, 232), однако эти сведения не подтвердились.

⁷¹ Я по-прежнему считаю, что сообщение Псевдо-Скимна (*Ps.-Skymn.* 826–831 Diller, 822–827 Müller) относится к гераклейскому Херсонесу позднелатинского, а не позднеримского времени.

сегодняшний день материалов свидетельствует, что для них метрополиями могли быть те полисы Северо-Западного Причерноморья, с которыми они и оказались наиболее тесно связаны на раннем этапе их жизни, – Истрия и Ольвия. Для Никония это предположение не ново, вопрос об освоении этого региона Истрией и Ольвией многократно поднимался на основании анализа разных археологических источников⁷² и пока не имеет серьезных контраргументов в историографии.

Ионийское происхождение Керкинитиды, экономические связи с центрами Северо-Западного Причерноморья на раннем этапе существования подтверждены ее собственными литыми монетовидными знаками и монетами, а также находками монет Истрии, Ольвии, Никония (?)⁷³. Для раннего Херсонеса близкая мысль, правда, только в отношении Ольвии, также высказывалась⁷⁴. Несмотря на мой скепсис относительно приведенных аргументов, сейчас это направление можно развить с привлечением новых данных. Скорее всего, и в этом случае следует говорить об Ольвии и Истрии как о равнозначно заинтересованных полисах, которые и способствовали выведению двух дочерних выселков в Западную Таврику в конце позднеархаической эпохи. Представляется, что при таком варианте решения этого вопроса можно объяснить наличие монетных находок Ольвии и Истрии в Западной Таврике⁷⁵ и импорт вещей ольвийского происхождения вплоть до раннеэллинистического времени как в Западную Таврику, так и в Западное Причерноморье⁷⁶.

Несомненно, что окончательное решение вопроса о статусе колоний в устье Тираса и в Западной Таврике еще впереди. Их традиционная трактовка в качестве автономных полисов уже не подкреплена необходимыми аргументами и не соответствует современным методикам, применяемым к изучению подобных вопросов⁷⁷. Безусловно, все они представляли собой небольшие урбанистические центры, постоянные обитатели которых являлись полноправными членами этих городских общин. Это были города с жилыми и оборонительными сооружениями, а также городскими некрополями. Культовые и другие общественные здания в них пока неизвестны, однако это еще не значит, что они отсутствовали. Более серьезен вопрос о наличии или отсутствии у них собственной хоры, что на примере Истрии и Ольвии, как видно, является одним из определяющих факторов.

Для Никония двенадцать поселений по левому берегу Днестровского лимана⁷⁸ заставляют, казалось бы, предполагать наличие его внутренней обжитой территории и соответственно статус автономного полиса. Однако при полном отсутствии других показателей, которые подтвердили бы его политическую автономию, представляется возможным пока воздержаться от такой однозначной атрибуции. Кроме того, картографирование памятников позднеархаического времени показало присутствие синхронных поселений на значительной территории в целом к западу от Борисфена, включая Одесский залив, что уже привело к постановке вопроса об их

⁷² Загинайло 1966, 100 сл.; Русяева 1979, 8 сл.

⁷³ Золотарев 1986, 88 сл.; Кутайсов 1986, 94 сл.; 2004, 46 сл., 79–80.

⁷⁴ Saprykin 1998, 236–237.

⁷⁵ Анохин 1989, 80–81; Гилевич, Столба, Щеглов 1991, 22–23.

⁷⁶ Пути такого импорта прослежены на примере рыбных блюд ольвийского производства: Буйских 2011, 247–248.

⁷⁷ См., в частности, размышления А. Аврама о полисном статусе западнопонтийских центров (Avram 1996, 296–297).

⁷⁸ Охотников 1990, 6 сл., рис. 1.

территориальной (полисной) принадлежности⁷⁹. На сегодняшний день невозможно провести четкую границу территориальных владений Истрии, Ольвии и Никокийского полиса, если последний действительно существовал. Кроме того, нарративные источники (Арриан, Псевдо-Арриан) дают целый перечень населенных пунктов именно в этом районе, локализация которых все еще вызывает дискуссии, и среди них Одесс, Скопелы, Гавань Истриан, Гавань Исиаков⁸⁰. Поэтому можно пока только предположить, что интенсивное освоение свободной прибрежной территории (контактной зоны) между устьями Истра и Борисфена, последовательное основание многочисленных поселений на этой срединной территории, по крайней мере в позднеархаическое – раннеклассическое время, вполне могло проходить под юрисдикцией Истрии и Ольвии. На этом фоне, возможно, два эмпория могли выделяться своими размерами и значением, будучи городскими центрами и служа не только для связи с приморскими городами, но по Тирасу – с хинтерландом.

С моей точки зрения, следует пока воздержаться и от столь же однозначных атрибуций для городов Западной Таврики. Принято считать, что политическая автономия безусловна для Керкинитиды и Херсонеса, основанного во второй половине VI в. до н.э., если следовать гипотезе Ю.Г. Виноградова и М.И. Золотарева⁸¹. Мне же представляется, что если эти памятники и определять как полисы, то лишь в смысле их городской (урбанистической) организации. Для Керкинитиды и раннего поселения на месте будущего гераклейского Херсонеса (согласно предложенной мною трактовке этого памятника) я не исключаю первоначальный статус эмпориев. Такому предположению не противоречит абсолютное отсутствие у них синхронных памятников хоры (соответственно территории для внутреннего развития и ведения сельского хозяйства), какой-либо информации о государственных культах, органах самоуправления и проч.⁸² Кроме того, постоянно увеличивается информация об античном импорте в скифских погребениях конца VI – начала IV в. до н.э., известных в этом регионе и прилегающей внутренней территории Таврики⁸³. Тогда, скорее всего, транзитными связями на уровне натурального обмена можно объяснить и наличие

⁷⁹ Буйских, Иевлев 1993; Буйских С. 1996, 65–69. Вопрос этот не имеет пока однозначного ответа.

⁸⁰ Подробно с анализом литературы и вариантов локализации см. Агбунов 1981, 130–138.

⁸¹ Виноградов, Золотарев 1998.

⁸² Затянувшаяся дискуссия об интерпретации херсонесских остраконов и обосновании применения практики остракизма в Херсонесе как одного из индикаторов политически автономной общины (Виноградов, Золотарев 1999, 91 сл.; Тохтасьев 2007, 110 сл.) или раннем поселении на месте Херсонеса выходит за рамки этой работы. Отмечу лишь, что наличие остраконов среди памятников керамической эпиграфики Херсонеса не подлежит сомнению, как и тот факт, что те керамические фрагменты, на которые они нанесены и которые можно точно датировать, с моей точки зрения, относятся к позднеклассическому времени. Речь при этом не идет о многочисленных граффити более раннего времени, и в этом видится принципиальная разница в интерпретации этих памятников керамической эпиграфики. К сожалению, вплоть до настоящего времени на датировку керамических фрагментов должного внимания не обращалось, и датировка по палеографическим особенностям соответствовала общей идее, см. фото фрагментов с граффити и остраконами и полемику с Э.И. Соломоник относительно ее датировок остраконов в пределах IV в. до н.э.: Виноградов, Золотарев 1999, 106, прим. 78, табл. 1.

⁸³ Колтухов 2012, 134–135. Наблюдение С.Г. Колтухова о связях городов западного побережья с кочевым населением степной Таврики весьма продуктивно.

кизил-кобинского импорта в Борисфене⁸⁴. Поэтому следует пока воздержаться и от их интерпретации в качестве зависимых полисов, поскольку нет достоверных данных для увеличения территории Ольвийского полиса вплоть до устья Тираса на западе или Гераклеяского полуострова в Таврике на юге. Несколько более поздний пример эмпория Пистирос во Фракии в этом плане очень показателен⁸⁵.

Выведению эмпориев Истрией и Ольвией за пределы территорий собственных хор способствовал еще один важный фактор – освоение коротких путей через Черное море. Время появления действующих морских трасс в северо-западной части Понта давно привлекает внимание и аргументировано связывается с фактом основания Керкинитиды и раннего Херсонеса. В практически равнобедренном треугольнике Северо-Западной части Понта в V в. до н.э. действовало, как считается, несколько направлений: запад – восток (Истрия – Керкинитиды, Истрия – ранний Херсонес с продолжением к южному побережью, Синопе) и север – юг (Ольвия/Борисфен – Керкинитиды – ранний Херсонес – южный Понт?)⁸⁶. При такой постановке вопроса посредническая роль постоянных эмпориев в Западной Таврике представляется еще более очевидной⁸⁷. Современные данные позволяют ставить вопрос о начале функционирования коротких путей в этой части Черного моря в еще более раннее время, не исключено, что уже во второй половине VI в. до н.э. Однако пока трудно дать однозначный ответ на вопрос, что в этом процессе явилось решающим – только торговые (обменные) интересы или необходимость промежуточной стоянки на пути следования к южному берегу Понта прямым маршрутом.

Основание дочерних апоекий в виде двойных полисов – урбанистических структур проходила по уже известной схеме, реализованной ранее при основании Истрийского и Ольвийского полисов. Именно поэтому можно заключить, что освоению пространств Северо-Западного Причерноморья свойственна определенная специфика, заключающаяся в выработке и практической реализации конкретной модели, о существовании которой здесь знали и которой придерживались не менее полутора столетий. Вместе взятые они в течение жизни нескольких поколений колонистов и сформировали ту цельную среду обитания в северо-западной части Понта, тесно связанную как экономически, так и в политическом и культурно-религиозном отношении, которая сохранялась здесь вплоть до Митридатовых войн⁸⁸.

Литература

1. *Агбунов М.В.* 1981: Материалы по античной географии Северо-Западного Причерноморья // ВДИ. 1, 124–143.
2. *Анохин В.А.* 1989: Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.
3. *Блаватский В.Д.* 1954: Архаический Боспор // МИА. 33, 7–44.

⁸⁴ С датой второй – третьей четверти VI в. до н.э.: Соловьев 1995, 36. См. также гипотезу о торговой экспансии ионийцев в Северо-Западную Таврику: Solovyov 1999, 46, footnote 26.

⁸⁵ Hansen 1997, 97–98.

⁸⁶ Золотарев 1979, 94–100; Агбунов 1981, 124–126, рис. 1; Павленков 1991, 71–73; Писаревский 2009, 112 сл.

⁸⁷ Нельзя еще раз не вспомнить никем не поддержанное в свое время мнение В.И. Каца о посреднической роли раннего Херсонеса с поправкой на современные датировки: Кац 1990, 97–111.

⁸⁸ Шелов 1967, 219–220; Брашинский 1970, 134–135; Русяева 1979, 3 сл.; Виноградов 1995, 13–14.

4. Блаватский В.Д. 1964: Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.
5. Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т. 1979: Полис и миграции греков // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо 1977. Тбилиси, 7–29.
6. Болтрик Ю.В. 2000: Основной торговый путь Ольвии в днепровское Лесостепное Правобережье // РА. 1, 121–130.
7. Брашинский И.Б. 1970: Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ. 2, 129–138.
8. Брашинский И.Б., Щеглов А.Н. 1979: Некоторые проблемы греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо 1977. Тбилиси, 29–46.
9. Буйских А.В. 2005: Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI в. до н.э. // ВДИ. 2, 146–156.
10. Буйских А.В. 2006: Херсонес Таврический в VI в. до н.э.: реальность историческая или археологическая? // АМА. 12, 263–277.
11. Буйских А.В. 2008: Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь.
12. Буйских А.В. 2011: Краснолощенные рыбные блюда из Ольвии // БИ. 25, 242–265.
13. Буйских А.В. 2012: О застройке юго-восточной части Ольвии в VI – начале V в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 48–52.
14. Буйских С.Б. 1996: Между Истрией и Ольвией (античные поселения Дунай-Днепровского междуречья) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VII Международной конференции. Ростов-на-Дону, 65–69.
15. Буйских С.Б., Иевлев М.М. 1993: Археологическая карта Тилигульского лимана // Древности Причерноморских степей. Киев, 114–122.
16. Буйских С.Б., Буйских А.В. 2010: К хронологии архаических поселений хоры Ольвии Понтийской // БИ. 24, 3–64.
17. Вахтина М.Ю. 1998: Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // МАИЭТ. 6, 122–139.
18. Вахтина М.Ю. 2004: О начале распространения южно-ионийского керамического импорта в варварском мире Северного Причерноморья // БФ. Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб., 204–211.
19. Вдовиченко И.И. 2008: Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. Симферополь.
20. Виноградов Ю.Г. 1971: Из истории архаической Ольвии // СА. 2, 232–238.
21. Виноградов Ю.Г. 1976: О политическом единстве Березани и Ольвии // ХКААМ. 75–84.
22. Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.
23. Виноградов Ю.Г. 1995: Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы Международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». Севастополь, 5–56.
24. Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. 1990: Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Письменные источники и археология. Материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья. Вани 1987. Тбилиси, 75–98.
25. Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. 1998: Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб, 36–46.
26. Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. 1999: Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М, 91–129.
27. Гилевич А.М., Столба В.Ф., Щеглов А.Н. 1991: Находка монеты Истрии в Северо-Западном Крыму // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса, 22–23.
28. Доманский Я.В. 1965: О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья (к постановке вопроса в советской археологической литературе) // АСГЭ. 7, 116–141.
29. Доманский Я.В. 1970: Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до н.э. // АСГЭ. 12, 47–53.
30. Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л. 1989: Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги археологических экспедиций. Л., 33–60.

31. Доманский Я.В., Марченко К.К. 2007: К вопросу о базовой функции первоначального Борисфена // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб., 28–44.
32. Загинайло А.Г. 1966: Монетные находки на Роксоланском городище (1957–1963 гг.) // МАСП. 5, 100–130.
33. Золотарев М.И. 1979: Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо 1977. Тбилиси, 94–100.
34. Золотарев М.И. 1986: Новые материалы о взаимоотношениях Ольвии и Западного Крыма в VI–V вв. до н.э. // ВДИ. 2, 88–93.
35. Зубарь В.М. 2005–2009: Борисфен и некоторые проблемы греческой колонизации Нижнего Побужья // Stratum plus. 3, 94–113.
36. Зубарь В.М. 2010: Еще раз о времени основания Херсонеса Таврического // БИ. 23, 63–89.
37. Иванчик А.И. 2005: Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история (Pontus Septentrionalis III). Москва–Берлин.
38. Иессен А.А. 1947: Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Л.
39. Ильина Ю.И. 2004: Ранняя керамика из Ольвии // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб., 75–83.
40. Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985: Древний город Тира. Киев.
41. Кац В.И. 1990: Эмпорий Херсонес // АМА. 7, 97–111.
42. Книпович Т.Н. 1934: К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII–VI вв. до н.э. // ИГАИМК. 104, 90–100.
43. Колтухов С.Г. 2012: Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н.э. (погребальные памятники) // Археологический альманах. № 27. Донецк.
44. Копейкина Л.В. 1975: Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период (истоки строительной традиции) // СА. 2, 188–199.
45. Копейкина Л.В. 1976: Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // ХКААМ. 131–142.
46. Копейкина Л.В. 1979: Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо 1977. Тбилиси, 106–113.
47. Копейкина Л.В. 1981: Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке) // СА. 1, 192–208.
48. Крутилов В.В. 2010: Археологические исследования античного поселения на о. Березань (участок «Т») в 2007 г. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / А.А. Масленников и др. (ред.). Вып. 1. Москва—Киев, 125–136.
49. Крутилов В.В., Чистов Д.Е. 2012: К вопросу о реконструкции планировки Березанского поселения во второй половине VI – первой трети V в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. XIII Боспорские чтения. Керчь, 238–244.
50. Крутилов В.В., Смирнов А.И., Бондаренко Д.В. 2012: Керамический производственный комплекс середины VI в. до н.э. на Березанском античном поселении // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. XIII Боспорские чтения. Керчь, 233–237.
51. Крыжицкий С.Д. 1982: Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев.
52. Крыжицкий С.Д., Назарчук В.И. 1994: Новый памятник строительства позднеархаической Ольвии // Древнее Причерноморье. КСОО. 99–106.
53. Крыжицкий С.Д. и др. 1999: Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев.
54. Кузнецов В.Д. 1991: Ранние апоикии Северного Причерноморья // КСИА. 204, 31–37.
55. Кутайсов В.А. 1986: К нумизматике Керкинитиды V в. до н.э. // ВДИ. 2, 94–97.
56. Кутайсов В.А. 2004: Керкинитиды в античную эпоху. Киев.
57. Лапин В.В. 1966: Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.
58. Леви Е.И. 1941: Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии // СА. 7, 309–317.
59. Назаров В.В. 2001: Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ. 1, 154–164.
60. Назаров В.В. 2006: Культурная жизнь Березани // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 1. СПб., 139–170.
61. Охотников С.Б. 1990: Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. Киев.

62. Павлинков В.И. 1991: Истр – Левка – Каркинитида: краткий путь через Понт в VI–V вв. до н.э. // Древнее Причерноморье. II чтения памяти профессора П.О. Карышковского. Тезисы докладов конференции. Одесса, 71–73.
63. Писаревский Н.П. 2009: Морские трассы на Понте Эвксинском во времена Геродота // Норция. 6, 112–124.
64. Русаева А.С. 1979: Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII–V ст. до н.е. // Археологія. 30, 3–18.
65. Русаева А.С. 1986: Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 2, 25–64.
66. Русаева А.С. 1991: Исследования Западного теменоса Ольвии (Предварительные итоги) // ВДИ. 4, 123–138.
67. Русаева А.С. 1994: Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации // ВДИ. 4, 99–106.
68. Русаева А.С. 1995: Так когда же ионийцы основали Ольвию? // Проблемы археологии древней и средневековой Украины. Тезисы докладов конференции. Харьков, 73–74.
69. Русаева А.С. 1998: К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. 1, 160–170.
70. Русаева А.С. 2006: Восточногреческая керамика // Древнейший теменос Ольвии Понтийской (МАИЭТ. Suppl. 2). Симферополь, 162–168.
71. Самойлова Т.Л. 2004: К вопросу о времени основания и гибели античной Тире // БФ. Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб., 108–114.
72. Самойлова Т.Л. 2012: Основание Тире и ее место в системе полисов Северо-Западного Причерноморья // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. XIII Боспорские чтения. Керчь, 380–384.
73. Секерская Н.М. 1976: Архаическая керамика из Никонии // МАСП. 8, 84–95.
74. Секерская Н.М. 1989: Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. Киев.
75. Соловьев С.Л. 1995: Лепная керамика с резным геометрическим орнаментом Березанского поселения // АСГЭ. Вып. 32, 31–39.
76. Суриков И.Е. 2009: Херсонес изначальный или «предхерсонесское поселение»? // *Studia historica*. 9, 185–201.
77. Тохтасьев С.П. 2007: К ономастикону и датировке херсонесских остраконов // ВДИ. 2, 110–125.
78. Трейстер М.Ю. 1998: Ионийские ремесленники – скифам // ВДИ. 4, 130–141.
79. Шелов Д.Б. 1967: Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М., 219–224.
80. Шрамко И.Б., Задников С.А. 2010: Новые находки ранней античной керамики на Бельском городище // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / А.А. Масленников и др. (ред.). Вып. 1. Москва–Киев, 294–300.
81. Штерн Э.Р. 1912: Раскопки на острове Березани // ОАК за 1908 г., 84–93.
82. Чистов Д.Е. 2008: К периодизации истории Борисфена второй половины VI в. до н.э. // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен». СПб., 36–40.
83. Фармаковский Б.В. 1906: Раскопки в Ольвии в 1902–1903 годах // ИАК. 13.
84. Фармаковский Б.В. 1925: Отчет о раскопках Ольвии в 1924 г. // ИГАИМК. 1, 143–163.
85. Alexandrescu A. 1990: Histria in archaischer Zeit // *Histria (Xenia)*. 25, 47–102.
86. Alexandrescu P. 1999: L'aigle et le dauphin. Etudes d'archéologie pontique. Bucarest–Paris.
87. Avram A. 1990: Das histrianische Territorium in griechisch-römischer Zeit // *Histria (Xenia)*. 25, 9–46.
88. Avram A. 1996: Les cites grecques de la côte Ouest du Pont-Euxin // Introduction to an Inventory of *Poleis*. Symposium August 23–26 1995. Acts of Copenhagen Polis Centre 3 / M.H. Hansen (ed.). Copenhagen, 288–316.
89. Bilabel F. 1920: Die ionische Kolonisation. Lpz.
90. Boardman J. 1998: Olbia and Berezan: the Early Pottery // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / G.R. Tsetskhladze (ed.) (*Historia. Einzelschriften*. Hft. 121). Stuttgart, 201–204.
91. Boardman J. 1999: The Greeks Overseas. Their Early Colonies and Trade. 4th ed. L.
92. Bujskisch A. 2010: Die antiken Architekturformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. Herkunft und Entwicklung (*Archäologische Forschungen*. 26). Wiesbaden.
93. Domanskij Ja.V., Marčenko K.K. 2003: Towards Determination the Chef Function of the Settlement of Borysthenes // The Cauldron of Ariantas / P. Guldager Bilde et al.(eds.) (*Black Sea Studies*. 1). Aarhus, 29–36.
94. Dunbabin T.J. 1968: The Western Greeks. 2nd ed. Oxf.

95. *Graham A.J.* 1957: The Date of the Greek Penetration of the Black Sea // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 4, 25–42.
96. *Graham A.J.* 1964: *Colony and Mother City in Ancient Greece*. Manchester.
97. *Ehrhardt N.* 1983: *Milet und seine Kolonien*. 2. Veränd. Aufl. Frankfurt/Main.
98. *Hansen M.H.* 1997: Emporion. A Study of the Use and Meaning of the Term in the Archaic and Classical Periods // *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis* / Th.H. Nielsen (ed.) (*Historia*. Einzelschriften. 117). Stuttgart, 83–105.
99. *Hansen M.H.* 1997a: The Polis as an Urban Centre. The Literary and Epigraphical Evidence // *The Polis as an Urban Centre and as a Political Community*. Symposium August 29–31, 1996. Acts of the Copenhagen Polis Centre. 4 / M.H. Hansen (ed.). Copenhagen, 9–86.
100. *Kerschner M.* 2006: Zum Beginn und den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer // *Eurasia Antiqua*. 12, 227–250.
101. *Mănușcu-Adameșteanu M.* 1992: ...Orgamé polis... // *Pontica*. 25, 55–67.
102. *Mănușcu-Adameșteanu M.* 2000: Céramique archaïque d'Orgamé // *Civilisation grecque et cultures antiques périphériques*. Hommage à Petre Alexandrescu à son 70e anniversaire. Bucarest, 195–204.
103. *Minns E.H.* 1913: *Scythians and Greeks*. L.
104. *Saprykin S.Y.* 1998: The Foundation of Tauric Chersonesus // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area*. Historical Interpretation of Archaeology / G.R. Tsitskheladze (ed.) (*Historia*. Einzelschriften. Hft. 121). Stuttgart, 227–248.
105. *Solovyov S.L.* 1999: Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea (*Colloquia Pontica*. 4). Leiden.
106. *Treister M.Yu.* 1996: *The Role of Metals in Ancient Greek History*. Leiden–New York–Köln.
107. *Vachtina M.* 2007: Greek Archaic Orientalising Pottery from the Barbarian Sites of the Forest-Steppe Zone of the Northern Black Sea Coastal Region // *Black Sea Studies*. 6, 23–38.
108. *Wąsowicz A.* 1975: *Olbia Pontique et son territoire*. L'aménagement de l'espace. P.
109. *Wilson J.-P.* 1997: The Nature of Greek Overseas Settlements in the Archaic Period // *The Development of the Polis in Archaic Greece* / L.G. Mitchell, P.J. Rhodes (eds.). L.–N.Y., 199–207.

GREEK COLONIZATION OF THE NORTH-WESTERN PONTIC AREA A New Model

A.V. Buyskikh

The author tries to point out characteristic features and general trends of the Greek colonization of the North-Western Pontic area. The study of Eastern Greek ceramics from Olbia made it possible to date its foundation to 620/610–590 BC. Yet it is well-known that the temporary emporion of Borysthene was founded in the third quarter of the 7th century BC, about thirty years earlier than the city of Borysthene. Observing the dynamics of the development of Olbia and Borysthene one can see that both the city areas, their necropoleis and the surrounding territory developed simultaneously in both cases, the process resulting in the appearance of the Polis of Olbia which included the sea emporion Borysthene. The same pattern seems to have worked in the case of the Istrien polis consisting of two towns, Istria and Orgame (Argamum), founded in about the same order. Development of poleis including two settlements founded very closely in time is also to be seen at the end of the archaic period, if one comes to think of Niconium and Orphiusa/Tyras in the Low Dniester Area or Kerkinitis and the Pre-Chersonesus settlement in Western Taurica. This could be a model of developing a new community realized in the North-Western Black Sea area.

Keywords: Olbia, Borysthene, Histria, Orgame, Niconium, Kerkenitis, Greek colonization, North-Western Pontic area, polis, emporion.